

## КОЛОКОЛА ЭПОХ

*В минувшую субботу в Большом зале Ростовской филармонии концертом симфонического оркестра открылся новый сезон. Программу составили увертюра Р. Вагнера к опере «Нюрнбергские мастерзингеры», Пятый фортепианный концерт Бетховена и впервые прозвучавшая в Ростове Четвертая симфония Г. Канчели (газета представила его читателям в день премьеры). Дирижировал художественный руководитель и главный дирижер оркестра заслуженный артист РСФСР С. Коган, солист – лауреат международных конкурсов народный артист РСФСР, профессор Л. Власенко (Москва).*

Зачем люди приходят в концертный зал? Что влечет нас сюда после напряженного рабочего дня, отгоняя прочь мысли о несделанных делах, о необходимости потом долго добираться домой, об уютном кресле у телевизора? Интерес к неизведанному или, напротив, к хорошо знакомому и любимому? Хотим общения с такими же, как мы? Мечтаем об отдыхе от повседневных забот? Вероятно, и то, и другое, и третье, и еще многое. Но есть и некая высшая цель, в чём мы, быть может, не всегда отдаем себе отчет. Мы ощущаем потребность сделать свой эмоциональный мир сферой сильного воздействия извне, потребность вызвать на себя огонь «чужих» дум и страстей, пережить их, сделать своими. Жаждем потрясения.

Именно музыка – рискну утверждать это, хотя люблю литературу, кино, театр, – обладает исключительной силой такого воздействия на наши души.

Сразу же скажу: прошедший концерт дал это главное. Музыка вывела за пределы себя самой. Приковала внимание к жгучим проблемам современности, заставила пережить их как свои личные, обеспокоила мыслями о мире, о своем месте в нем. Восприятие музыки ассоциативно, а потому субъективно. На фундаменте объективных «данных», предложенных композитором и исполнителем, слушатель возводит собственное здание, неизбежно становясь соавтором музыкального произведения. В этом смысле важным оказывается уже само построение программы вечера. Соединенные в одной афише эпохи, имена, жанры, сочинения словно перекликаются, взаимоотражаются, протягивают друг другу руки. От их соседства вспыхивают идеи, которые не возникли бы, слушай мы эти произведения порознь.

Бетховен, Вагнер, Канчели. 150 лет музыкально-исторического процесса. Прошлое и современность. История, обращающаяся к нам, и сегодняшний день, ощущающий себя порождением истории, вобравший ее в себя, делящийся «дольше века». Смелые реформаторы музыкального искусства, достигшие к моменту создания исполненных произведений полной зрелости (Бетховену и Канчели – по 40 лет, Вагнеру – 54 года). Мыслящие категориями глобальными, философскими, а потому касающимися каждого из нас. Ощущение мира как арены борьбы: все три сочинения претворяют (в различной форме) принцип диалога, противопоставления и столкновения неких жизненных начал.

В концерте Бетховена за присущим жанру принципом соревнования между солистом и оркестровым коллективом стоит нечто большее: диалог личности и массы, внутреннего мира и мира большого, зовущего к героической борьбе, требующего преодолеть рефлексию, слиться с народом. В увертюре Вагнера – отзвуки главной идеи оперы: столкновение двух эстетических позиций. Новаторство и консерватизм, свободное инициативное творчество и следование устаревшим шаблонам. (Напомню: в основе сюжета оперы – ситуация творческого состязания, турнир средневековых «мастеров пения»; отсюда немецкое «мастерзингеры»). В симфонии Канчели на одном образном полюсе – вечная красота и гармония мира, мощь созидющего духа, на другом – силы разрушения, дисгармонии; агрессивные вторжения вторых, неколебимая стойкость первых...

Лично для меня «центром тяжести» концерта, его идейной доминантой стало последнее сочинение. Не хочу этим ни принизить классиков, ни умалить заслуги оркестра и гастролёра – видного советского пианиста. Просто не может всё задеть в равной мере. Вероятно, сыграло роль и то, что на непосредственное восприятие симфонии Гии Канчели накладывались впечатления от встречи с автором (после концерта он согласился ответить на вопросы слушателей) – личности, бесспорно, значительной, излучающей токи огромной внутренней силы.

Четвертая симфония грузинского композитора, завершённая в 1975 году, первоначально была посвящена памяти Микеланджело. Впоследствии автор посвящение это снял, руководствуясь, видимо, тем, что ее содержание далеко выходит за рамки конкретной судьбы, пусть даже великого художника. Сегодня симфония воспринимается как размышления о судьбах многовековой культуры человечества, о жизнестойкости, неуничтожимости правды, добра, красоты.

Как бы сквозь призму этой идеи услышал я и два других произведения, также побуждающих отстаивать собственные убеждения, способствовать, в меру своих сил, приумножению всего позитивного, что есть на Земле.

Подумалось: не об этом ли свидетельствует, к примеру, тот факт, что Лев Власенко, не склонный, в общем-то, к «разговорам о музыке», выступал перед телеаудиторией с рассказами о Бетховене, ведет музыкальные радиопередачи просветительского характера? Разве не на ту же идею душевной доброты, помноженной на твердость духа и непреклонность перед лицом зла, символизирует служанка Груше, героиня пьесы Брехта «Кавказский меловой круг», поставленной в Тбилисском драматическом театре им. Руставели Робертом Стура с музыкой Канчели (работа над спектаклем и симфонией шла параллельно)? И не о том ли звонят колокола в Четвертой симфонии?

Если в душе каждого из нас будет существовать некий «меловой круг», черту которого никогда не переступит зло – агрессивность и самоуспокоенность, безнравственность и уродство, низость и мелочность, – будет такой круг и в целом мире.

*Комсомолец. 1982. 26 окт.*